

Милена В. Рождественская (Санкт-Петербург)

ПЛАЧ АДАМА И «АДАМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ» В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ *

Имя и образ Адама объединяет ветхозаветную и новозаветную традиции в провиденциальном смысле будущего всеобщего воскресения из мертвых. Новым Заветом Христос был воспринят как второй Адам, сбросивший одежду Адама Ветхого и принявший на себя его грехи – грехи всего человечества. Но помимо известного библейского рассказа о грехопадении первых людей и их наказании, восточнохристианская и древнеславянская рукописная традиция знает и неканонические сочинения об Адаме, такие как *Сказание, от скольких частей был сотворен Адам*, *Рукописание Адама*, *Сказание о крестном древе*, цикл текстов об Адаме и Еве (*Adamsbuch*), который в конце XIX в. исследовал Ватрослав Ягич и в который входит *Исповедание Евы*¹. Работа В. Ягича основывалась на изучении девяти славяно-русских списков *Апокрифа об Адаме и Еве*, однако в настоящее время рукописная традиция насчитывает значительно большее количество списков. В славяно-русских рукописях этот обширный текст назван *Слово об Адаме и Еве от начала и до совершения*, он состоит из нескольких апокрифических сюжетов. И.Я. Порфирьев² со ссылкой на издание Н.С. Тихонравова *Памятники отреченной русской литературы*³, писал, что «*Сказание об Адаме и Еве*» и «*О исповедании Евине*» в рукописях – это не два различных по содержанию сочинения, а только две редакции одного и того же апокрифа, составляющего переделку греческого апокрифа, который под именем *Апокалипсиса Моисея напечатан в сборнике Тишендорфа*⁴. Насколько актуальным становится более подробное изучение всех сохранившихся вариантов апокрифических сочинений об Адаме в их разноязычных версиях, которые можно объединить под назва-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФНФ „Библиотека Императорского Православного Палестинского Общества” в составе книжного собрания научной библиотеки Государственного музея истории религии” № 14-63—01001.

¹ V. JAGIĆ, *Slavische Beiträge zu den Biblischen Apocryphen. Die Altkirchenslavischen texte des Adambuches*, Wien 1893.

² И.Я. ПОРФИРЬЕВ, *Ветхозаветные лица и события по рукописям Соловецкой библиотеки*, Санкт-Петербург 1877.

³ Н.С. ТИХОНРАВОВ, *Памятники отреченной русской литературы*, vol. I–II, Санкт-Петербург 1863.

⁴ *Ibidem*, vol. I., p. 244.

нием «адамический текст», свидетельствует тот факт, что в 2012 г. были изданы два тома в известной серии *Corpus Christianorum. Series Apocryphorum*, подготовленные к изданию профессором Лозаннского университета Жаном-Даниелем Кэстли. В них представлены латинская, греческая, армянская и грузинская рукописные версии апокрифического цикла об Адаме и Еве, но не славянская⁵. Поэтому задача изучения славяно-русской версии апокрифов об Адаме и Еве в сопоставлении с иноязычными версиями – одна из важнейших в палеославистике. В начале января 2014 г. в Университетах Лозанны и Женевы состоялся международный Коллоквиум «Colloque sur les littératures apocryphes juive et chrétienne: la Vie d'Adam et Ève et les traditions adamiques», организованный Ассоциацией исследований христианской апокрифической литературы (AELAC) и Романским институтом библеистики (IRSB). По материалам коллоквиума, в котором автор данной статьи принимала участие в качестве приглашенного докладчика, готовится к изданию сборник научных статей.

Все апокрифические сочинения об Адаме и Еве дополняют отдельными деталями текст Ветхого Завета. Так, упоминается, что при изгнании из Рая Адам плакал и даже рыдал. В *Исповедании Евы* говорится о том, что они с Адамом сидели, лишённые Эдема, и Адам «упал ничком и рыдал». Однако сам этот плач там не приводится. В первом томе *Памятников отреченной русской литературы* Н.С. Тихонравов опубликовал *Слово об Адаме и Евзе от зачала и (до) совершения* по списку Измарагда из собр. Троице-Сергиевой Лавры № 794, XVI в., лл. 311об.–323об.⁶ От имени Евы в нем говорится: *...и седохомъ предъ дверми райскими. Адамъ приник к земли плачась ... желаше и рыдаша и пребыхом семь днѣи не ядуще ничтоже и велми взалкахомъ*. Между тем в древнерусской письменной традиции с конца XV в. известен в разных вариантах духовный (покаянный) стих *Плач Адама о Рае*⁷. Его текст основывается, как полагают, не на каноническом библейском рассказе, а на тексте церковной службы: за неделю до Великого Поста церковь вспоминает Адамово изгнание. В богослужении Постной Триоди в сыропустную субботу поется песнопение, которое начинается со слов «Плакался Адам перед раем сидя»⁸. В книге В.П. Адриановой-Перетц *Очерки поэтического стиля Древней Руси* указывается, что о покаянии и плаче Адама говорится в каноне утрени сырного воскресенья, приписываемом Иосифу Студиту⁹. В Постной Триоди, в состав которой входит утренняя служба Сырного воскресенья,

⁵ *Vita latina Adae et Evae. Synopsis Vitae Adae et Evae*. Latine, graece, armeniace et iberice. Adivante et opus perficiente J.-D. КАЕСТЛИ, Turnhout 2012 [= CC.SA, 18–19].

⁶ Н.С. ТИХОНРАВОВ, *op. cit.*, vol. I, p. 11.

⁷ РНБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 9/1086, f. 317. См. также примечание 12.

⁸ Богослужения Триоди Постной, ed. В. Воробьев, Москва 2005.

⁹ В.П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ, *Очерки поэтического стиля Древней Руси*, Москва–Ленинград 1947, p. 159.

изгнанию Адама посвящено восемь стихир. И песнопение службы, и духовный стих *Плач Адама* имеет своим источником апокрифический сюжет. Об этом упоминал уже И.Я. Порфирьев: *Под влиянием этих Сказаний об Адаме и Еве составились известный духовный стих Плач Адама, начало которого иногда вставляется в самое Сказание и Сказание о рукописании Адама*¹⁰. В недавней работе Д.М. Буланина о покаянных стихах¹¹ также упоминается, что основу многих из них следует искать в богослужебных текстах. Справедливо заметив, что *старшим образцом покаянного стиха признавался до сих пор Плач Адама («Стих старина запивом»)* в известной рукописи Кирило-Белозерского собрания № 9/1086, составленной иноком Ефросином¹², Д.М. Буланин высказал предположение, что богослужебные тексты-источники были своеобразными «сырыми заготовками», которым предстояло пополнить ряды стихов покаянных в относительно далекой перспективе¹³. Однако при определении источников *Плача Адама* также следует учитывать и упомянутые апокрифические версии¹⁴. Впервые этот духовный, или покаянный стих по списку Ефросина из РНБ опубликовал в 1922 г. П. Симони. Приведем его текст:

Плакася Адамъ предъ раемо седя:
«Раю мой, раю, прекрасный мой раю!
Мене бо ради сотворен еси,
А Евгы ради затворено бысте.
Ужь яз не вижю райския пища,
Ужь яз не слышю гласа архангельского.
Увы мне грешному и безаконенному!
Господи, Господи,
Не отовержи мене погибошааго!».

Существует немалое количество публикаций стиха *Плач Адама* в его вариантах в разных печатных сборниках, издававшихся фольклористами. И.Я. Франко в известном издании апокрифов и легенд по украинским рукописям XVI–XIX вв. также привел тексты *Плача Адама*. Один из них – в рукописи апокрифического *Слова Мефодия Патарского* XVII в., другой из Крехивской Палеи. 1. И седе Ядамъ прамю раю плача сѧ и виѧ сѧ каменем во перси своѧ, глагола: Раю, раю, краснаѧ доброто, мнѧ ради насажденъ еси, Еввы

¹⁰ И.Я. ПОРФИРЬЕВ, *op. cit.*, p. 247.

¹¹ Д.М. Буланин, *Приложения. Текстологические и библиографические арабески. X. О первоисточниках некоторых стихов покаянных*, [in:] *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги)*, ed. Д.М. Буланин, Санкт-Петербург 2014 [= SSO, 7], p. 596–625.

¹² РНБ, собр. Кирилло-Белоз. № 9/1086, f. 317. Стих старина запивомъ. Cf.: М.Д. КАГАН, Н.В. ПОНЬРКО, М.В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, *Описание сборников книгописца Ефросина*, ТОДЛ 35, 1980, p. 136.

¹³ Д.М. Буланин, *op. cit.*, p. 601.

¹⁴ Н. KOWALSKA, *Rosyjski wiersz duchowny i kultura religijna staroobrzędowców pomorskich*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1987, p. 41–48.

ради заключенный! Помяни мѧ, раю, шумением листвий твоихъ. О милостиве, помилуй мѧ падшего! В других вариантах духовного стиха о листьях и камне не упоминается. И второй текст: И плакаша ѿдам горце, глагола: Раю пресвѣтый, иже мене ради насозженъ, а Еввы рад(и) затвори! Но молю тебе сотворишаго, да неколи твоихъ цветецъ насыщаю сѧ. И в этом тексте есть намек на рай как на цветущий сад¹⁵. О живой традиции *Плача Адама* в русской народной среде свидетельствует и тот факт, что в 2011 г. участниками Археографической экспедиции Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН из д. Мураши Кировской области была привезена небольшая тетрадка XX в. с переписанным в ней *Плачем Адама*¹⁶, представляющим более полный текст по сравнению со списком Ефросина.

Еще один вариант *Плача Адама*, написанный не в рукописи, а на двери жертвенника храма конца XVI – начала XVII в. из Московской области, хранящейся в Государственном Музее древнерусского искусства им. Андрея Рублева в Москве, опубликовал более сорока лет назад московский искусствовед В.Н. Сергеев¹⁷. Дверь в жертвенник представляет собой своеобразную икону и состоит из пяти рядов изображений, основная тема которых – грехопадение Адама и Евы. Третий ряд, как указывает В.Н. Сергеев, *заканчивается сценами изгнания из рая первых людей и плача об утерянном блаженстве*¹⁸. Прямо над Адамом и Евой читается текст *Плача Адама*, близкий к тексту Ефросина XV в. Это свидетельствует о широком распространении духовного стиха не только в рукописях, а также о том, что апокрифический по происхождению текст не воспринимался как таковой, коль скоро его поместили в таком сакральном месте как жертвенник в церкви. В целом же текст *Плача Адама* устойчив во всех вариантах, они отличаются только объемом, упоминанием о Еве и ее беседе с Адамом, а также по-разному обозначена поза Адама перед дверьми Рая – он произносит свою lamentацию то «стоя», то «сидя»: *плакася Адам перед Раем стоя* или *плакался Адам перед Раем сидя*.

Межзаветный характер апокрифических сказаний об Адаме выражается в апокрифическом цикле об Адаме и Еве и в рассказе о сорокадневном покаянии Адама на Иордане, где крестится затем Иоанн Предтеча и Христос. Византийско-древнерусская иконография сюжета «Воскресение Христово» или «Сошествие Христа в ад» помещает в преисподней ветхозаветного Адама, которому Христос протягивает свою десницу, выводя его вместе с другими пленниками на свет Божий. В основе такого прочтения сюжета лежит апокрифическая версия событий, происходивших с вечера Страстной пят-

¹⁵ И.Я. Франко, *Апокрифи і легенди з українських рукописів*, vol. I, *Апокрифи старозавітні*, У Львові 1896, р. 28–29.

¹⁶ Древлехранилище им. В.И. Малышева ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

¹⁷ В.Н. СЕРГЕЕВ, *Духовный стих «Плач Адама» на иконе*, ТОДЛ 26, 1971 [*Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX века*], р. 280–286.

¹⁸ *Ibidem*, р. 280.

ницы до утра воскресного дня. Эта версия была разработана в апокрифическом Евангелии Никодима и двух гомилиях, созданных по его мотивам, – *Слове в страстную субботу* Епифания Кипрского и *Слове о сошествии Иоанна Предтечи в ад* Евсевия Александрийского (Самосатского), известных в славянском переводе уже с XI–XII вв. Упоминание о плаче-жалобе Адама на свою судьбу и сам плач передается в упомянутых гомилиях с разной степенью подробности и эмоциональности. В свою очередь, эти переводные тексты были использованы неизвестным древнерусским книжником на рубеже XII–XIII вв. при составлении апокрифического *Слова на воскресение Лазаря*, куда также вошел плач Адама, который можно с полным основанием назвать «адамическим текстом»¹⁹. Две редакции *Слова* – Краткая и Пространная – отличаются, помимо прочего, полнотой входящего в него плача-мольбы Адама, в котором Адам просит Христа поскорее сойти к нему в ад и освободить всех его пленников. Плач-мольба строится на антитезах «тогда – ныне», «свет – тьма», «царь – раб» и др. Вместе с тем в двух рукописях из Российской национальной библиотеки, Софийское собр. №№ 1418 (XVI в.) и 1449 (XVI–XVII вв.) содержится текст, приписываемый Петру Дамаскину, «о плачи Адамли и заключении райстем от ангела». Этот текст также построен на противопоставлении того, что «бехъ» и что «быхъ», синтаксически и лексически он во многом совпадает с текстом плача-мольбы Адама в *Слове на воскресение Лазаря*. Однако под «адамическим текстом» можно понимать и любое сочинение о покаянии грешника и мольбе о спасении. Таковы, например, некоторые молитвы, связываемые с именем преп. Кирилла Туровского, представляющие собой аналог к *Плачу Адама*: Твои сынъ быхъ пороженнємъ купели дүховныа, ныне же рабъ греховныи и того ради стеню из глубины сердечныа и слезю болезненною ми дүшею и т.д.²⁰

Помимо духовно-покаянного стиха *Плач Адама*, в древнеславянской письменности «адамическим текстом» могут быть названы также вопросо-ответные фрагменты, связанные с апокрифической *Беседой трех святителей*. Так, в переписанных упоминавшимся иноком Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином двух его сборниках конца XV в. из Кирилло-Белозерского собрания (РНБ, № 9/ 1086 и 11/1088) встречается известная в древнерусской книжности загадка, из серии так называемых «загадок с двойным дном», или амбивалентных. Иногда их относят к разряду «эротических». Отметим, что упомянутый *Плач Адама о рае* под названием «стих старина заливом» читается в том сборнике Ефросина, в котором переписана и данная загадка. Вот ее текст: Рече внүк бабе: Положи ма ѹ себа». И рече емү баба: «Како ми тебе положити а ты ма родил? Толкование: внүкъ есть Христос, а баба

¹⁹ М.В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, *Новгородская грамота № 10 – «апокрифическая загадка»?», [in:] Берестяные грамоты: 50 лет изучения, Москва 2003, р. 310–320.*

²⁰ Е.Б. РОГАЧЕВСКАЯ, *Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования, Москва 1999 [= SPhil, 28], р. 194: Молитва в неделю по утрени.*

земля. (Кир-Бел. Собр. 9/1086). Хотя имя Адама здесь не названо, я отношу эту загадку тоже к «адамическим» текстам. Из дальнейшего изложения станет ясно, почему. В другом сборнике инок Ефросина №11/1088, эта же самая загадка о внуке и бабе входит в подборку подобных вопросов и толкований под названием *Сия словеса святых отец от бесед* (л. 193–194об.).

Загадка встречается в рукописях как в составе переводной *Беседы трех святителей*, так и отдельно от нее. Но встречается она не только в книжной традиции. Начальные слова этой загадки были прочитаны совсем недавно московскими исследователями А.А. Гиппиусом и С.М. Михеевым на одном из обломков фресковой штукатурки XII в. из раскопок 1949 года в Мартирьевской паперти Софийского собора в Великом Новгороде. Материалы раскопок хранятся в фондах Новгородского государственного музея²¹. На этом обломке можно прочитать только несколько слов: (ϣ)ноуѣкъ вав(ε). К сожалению, полностью надпись не сохранилась. В работе другой исследовательницы, Марины Бабалык, были изучены не только не известные ранее и не учтенные исследователями древнерусские списки *Беседы трех святителей*, но и поставлен вопрос о соотношении в ней некоторых вопросо-ответных фрагментов, в том числе, и нашей загадки о внуке и бабе, с фольклорными загадками, иными словами – о соотношении книжного и устного происхождения и бытования этих загадок²². О том, что в *Беседе трех святителей* встречаются загадки явно фольклорного характера, исследователи писали неоднократно. При этом вопрос о внуке и бабе соотносили именно с фольклорным началом из-за некоторой фривольности ее смысла. Однако, на наш взгляд, следует, с одной стороны, различать происхождение текста, причины его попадания в книжный контекст, причины его бытования вне этого книжного контекста, а с другой стороны, встает вопрос о функции «загадки с двойным дном» в рукописной и устной традициях. Загадка эта занимает в разных славяно-русских списках *Беседы трех святителей* разное место среди других вопросов и ответов и часто содержательно не связана с предыдущими и последующими загадками и отгадками. Граффити на стене Мартирьевской паперти новгородского собора св. Софии свидетельствует о том, что этот вопрос-загадка была известна новгородцам именно в устной форме. Вряд ли процарапывавший ее на стене человек заглядывал при этом в рукопись. Другой новгородец, уже в первой четверти XIV в., написал на берестяной солонке еще одну вопрос-загадку – о Ноевом ковчеге и голубе из той же *Беседы трех святителей* (новгородская грамота № 10)²³. В рукописной же традиции эта апокрифическая загадка известна лишь с XV в.

²¹ А.А. ГИППИУС, С.М. МИХЕЕВ, *Две древнерусские загадки XII-XIII веков из Новгорода и Новгородка*, [in:] *Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького*, Київ 2013, р. 81–89. Там же приведена прорись надписи.

²² М.Г. БАБАЛЫК, «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности: исследование и тексты, Saarbrücken 2012.

²³ М.В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, *Новгородская грамота № 10 – «апокрифическая загадка»?», [in:] Берестяные грамоты: 50 лет изучения*, Москва 2003, р. 310–320.

Интересно, что наш вопрос-загадка о внуке и бабе часто сопровождается в рукописях вопросом-загадкой о голубе и Ноевом ковчеге. Причем преимущественно это рукописи севернорусского происхождения: из Кирилло-Белозерского, Софийского (новгородского), Пинежского собраний. А.А. Гиппиус и С.В. Михеев в своей публикации привели еще один вопрос-загадку из *Беседы трех святителей*, о куры-петеле. Это граффити процарапано на фрагменте штукатурки из ц. Бориса и Глеба XII в., раскопанной М.К. Каргером в 1960-х гг. в белорусском Новогрудке. Фрагмент сохранился также в фондах Новгородского государственного музея. Надпись эта, как показали авторы статьи, тоже устного происхождения и писалась она тоже по памяти. Таким образом, перед нами факт устного бытования по крайней мере трех вопросов-загадок из *Беседы трех святителей* в более раннее время, чем это фиксируют рукописи, и все авторы упомянутых граффити, скорее всего, знали загадки отдельно от текста *Беседы*. То, что инок Ефросин переписал загадку о внуке и бабе в двух своих сборниках, но в разных по составу подборках, свидетельствует о том, что и во второй половине XV в. этот вопрос-загадка воспринимался книжниками как одна из подвижных частей *Беседы трех святителей*.

Подобное наблюдается и в сборнике второй половины XVI в. из собрания Стокгольмской Королевской библиотеки, созданном, скорее всего в том же Кирилло-Белозерском монастыре, – подборки из *Беседы трех святителей* в нем во многом совпадают с подборками в сборниках Ефросина²⁴. Загадка о внуке и бабе в Стокгольмской рукописи переписана как самостоятельная часть этой подборки, легко отделяемая от остального текста.

Какое же отношение имеет эта загадка к Адаму? В разных списках *Беседы* в загадке о внуке и бабе встречается замена имени внука «Христос» на имена «Адам» или «Авель». Однако в таком случае загадка переводится в смысловой план Ветхого Завета, связанный с темой рождения, родительства и родства. Изучая текстологические взаимоотношения списков *Беседы трех святителей*, М. Бабалык выделила особую Троицкую редакцию, связав ее с работой книжников Троице-Сергиевой Лавры и предположив, что именно там сложился более или менее устойчивый состав *Беседы* на русской почве. В списках этой редакции, по ее наблюдениям, имена Авеля и Христа в нашей загадке «с двойным дном» встречаются чаще всего. В качестве примера ею приводится, как наиболее характерный, текст по рукописи XVI в. из Троице-Сергиевского собрания № 769: **Внук рече бабе: положи ма ү себе, рече елү баба: како хоцю положити тл, еще если девою? Ответ: Авель рече земли, тот въ первый мертвец на земли.** На наш взгляд, речь здесь должна идти о контаминации двух разных вопросов-загадок. Одной – о внуке и бабе, второй об

²⁴ М.В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, *Апокрифы в сборнике XVI в. из Стокгольмской Королевской библиотеки* (А 797), ТОДЛ 55, 2004, р. 391–397.

Авеле: Кто был первый мертвец на земле? Ответ: Явель. Этот вопрос встречается в составе *Беседы трех святителей*, в том числе, в тех же самых рукописях, что и вопрос о внуке и бабе. В некоторых случаях имя Христа заменяется и на имя Адама, с которым связан целый ряд других вопросов и ответов из *Беседы*. Тема Адама в них трактуется как тема рождения и смерти или бессмертия. К примерам, приведенным М. Бабалык из списков XVII–XVIII вв. Латгальского и Усть-Цилемского собраний Древлехранилища ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН можно добавить примеры из других рукописных собраний: РНБ, Соловецкое собр. 942/1052, середина XVI в., л. 110об.: *Рече внукъ глагола бабы: положи ма в себе. И рече баба: како та хощю положити, а ты мне отецъ (sic!). Иоанн рече: баба есть земля, а внукъ есть Христос.* На л. 111об. той же рукописи читаем повторение этой загадки: *Иоанн. Рече внукъ к бабе своей: положи ма у себе и рече баба: како та хощю положити еще есмь...* Далее идет неразборчивый текст, но по аналогии с другими списками здесь должно быть слово «дева, девою». Еще пример из Пинежского собр. № 280, 1533 г., л. 26 (Древлехранилище ИРЛИ РАН): *В(опрос). Рече внук бабе: положи ма у себе. И рече ему баба: Как та хощю положити, а ты мне отецъ. Т(олк). Баба есть земля, а внукъ Христосъ.* В примерах, приведенных М. Бабалык из сборника Усть-Цилемского собр. № 22, 91 и др. спрашивается, кто не был рожден, но паки вниде в мать свою? *Толкование: Ядам не рожден, а от земли создан и паки вниде в землю.* Похожий вопрос и ответ находится также и в сборнике Измарагд из РНБ, Кирилло-Белозерское собр. № 38/1115, XVI в., л. 233об. и в сборнике РНБ, Погодинское собр., № 1320, XVII–XVIII вв., л. 272об. Причем в обеих рукописях помещено и *Слово на воскресение Лазаря*, о котором упоминалось ранее. Последовательность вопросов о рождении/нерождении Адама и загадки о внуке и бабе в обеих рукописях совпадает. Выражение «от земли создан (взят)» указывает на возможный источник – апокрифическое сказание *От скольких частей был создан Адам*. Обратим внимание на название земли матерью, что отражает фольклорные представление о рождающей силе земли и выражении «мать-сыра земля».

Как видно из процитированных фрагментов *Беседы трех святителей*, тема смерти объединена с упоминавшейся темой рождения и родительства. Она встречается и в других вопросо-ответных фрагментах *Беседы*. Таков, например, ответ на вопрос о Лоте праведном, брате Авраамовом, жившем в Содоме и Гоморре, и согрешившем со своими дочерьми, когда те опоили его «хмельным квасом», и родились от этого греха три народа: болгары, сарацины и агаряне. Вопрос этот связан с темой *нарушенного порядка родства* из-за греха кровосмесительства. Такой тип вопроса близок загадке о внуке и бабе. В диссертации Марины Бабалык приводится ее наиболее ранний, как она считает, вариант. Вопрос задает Василий Великий: *Василей рече: Внук рече бабе своей: положи ма у себе, и рече баба: како хощю положити та, ты ми отецъ?*

Ответ же дает Иоанн Златоуст: **Иоанн рече: баба есть земля, а внук Христос.** Этот вариант загадки близок переписанному Ефросином. Правда, у Ефросина в списке Кир-Белоз. 11/1088 вместо слов «ты ли отецъ» читаем «ты ма родил», то есть, подчеркивается не родственный статус, а первопричина этого родства.

В одном из сборников Российской государственной библиотеки (РГБ, Волоколамское собрание № (157) 521 конец XVI в.) помещена подборка вопросов и ответов, близких к *Беседе трех святителей*. Начинается она с типичных символических толкований алтаря, жертвенника, трапезы, антиминса, плащаницы, разных частей храма, церковных врат и т. п. Затем следуют вопросы и ответы паремиологического характера, общие для разных вариантов *Беседы*. Затем появляется тема Каина, Авеля, Ноя, и вслед за этими вопросами знакомая нам загадка «с двойным дном»: **Вопрос: И рече внук бабе: баба, положи ма на рукѹ собе. И рече баба: как тѹ могѹ положити, а ты лине отецъ? Толк: внукъ есть Христос, а баба земля.** Но на этом ответе текст подборки не кончается. Далее следует такой текст:

Вопрос. Отец ма родил, аз себе родил женѹ, а жена моѹ роди отцѹ моему матери. Толк: Христос сотвори Ядѹма, а Ядѹма ѿвѹгѹ, а от ѿвѹги Пречистѹма, а от Пречистой Христос. **Вопрос. Внукъ роди всеи людем отца, а отецъ родил матери своей отца, а сына его сами родил.** Толк: Внукъ есть Христос, а отецъ нам Ядѹма, Ядѹму матери земля, а отецъ емѹ Христос.

Далее следуют вопросы катехизисного характера «что, где, когда, сколько» и вопрос, примыкающий по теме к приведенной мной подборке: **Кто родився и, состарився, во ѹтробѹ матерню вниде?** Толк. Ядѹма от земля взѹт, а в землю вниде. Хочу подчеркнуть, что перечисленные вопросы-ответы во многих списках *Беседы трех святителей* встречаются тоже, но обычно они не включены в единый тематический цикл, как в Волоколамском сборнике. Подобный контекст загадки о внуке и бабе встречается и в нескольких других рукописях с текстом *Беседы трех святителей*, как ранних, так и в более поздних. Приведем текст, опубликованный Н.С. Тихонравовым по сербской рукописи из собрания В.И. Григоровича XV в. Загадка о внуке и бабе в ней также присутствует:

Вопрос. Что есть — аз не родих се и родих сынове и сынове мои родише матери моею. И матери моѹ роди отца моего? Ответ. Ядѹма не родисе, но создаде от земли и роди сынове и от сынов его родисе Пречистѹма, и от Пречистой родиса Христос, иже создаде Ядѹма. **Вопрос. Кто не родиса ѹмре и кто родиса не ѹмре?** Зри: Ядѹма не родиса но создадесе и ѹмре. Я Илия родиса не ѹмре.²⁵

²⁵ Н.С. ТИХОНРАВОВ, *op. cit.*, vol. II, f. 442.

Итак, загадка о внуке и бабе построена по модели народной «загадки с неожиданным ответом». Однако, на наш взгляд, нельзя относить ее к фольклорной только по происхождению и по вроде бы «фривольному» смыслу. Происхождение ее явно книжное, основанное на апокрифических мотивах. Конечно, она попала в разряд фольклорных загадок потому, что мы знаем ее устное употребление, зафиксированное в граффити на стенах древнерусских храмов. Вопрос-загадка о внуке и бабе или об Адаме и земле в контексте, представленном сборником из Волоколамского собр. и рукописью В.М. Григоровича, изымает ее из «эротической» сферы и включает, на наш взгляд, в гораздо более широкий мировоззренческий контекст, где усматриваемое некоторыми исследователями «двойное дно» оказывается не в сфере эротики, а в сфере сакрального, и становится главным в понимании единства человеческого рода и божественной связи человека с миром.

Abstract. Adam's lament and "Adamic text" in Old Slavonic handwriting tradition. Apocryphal stories of Adam related to the subjects of the Paradise lost, Adam's repentance and expulsion from Eden, life of Adam and Eve after the expulsion, the manuscript that Adam gave to Satan, the Holy Cross story – all these subjects can be called the *single Adamic text*. This intertestamental texts includes *Story of how many parts Adam was created from, Adam's Handwriting, Story of the Cross Tree, Story of Adam and Eve, Adam's Lament*. In Old Russian manuscripts these texts were not necessarily clearly divided from one another, they were often copied as a single set related to the first man and woman.

Author had like to look in more detail into the lament of Adam. The Old Testament says nothing about the penance and lament of Adam after his and Eve's expulsion from Eden. However, the apocryphal Old Russian version (Confession of Eve) mentions his crying and lamenting. Another genre of the Adamic text (apart from prayer, narration, and lament) is the question-and-answer erotapocritical apocryphal literature in the form of riddles and solutions. For example, in the well-known apocryphal 'Talk of three Holy Hierarchs', the text known in different versions to the southern Slavs since the 12th century, which has a long literary tradition in Russia well into the 19th century, there are riddles concerning Adam.

The theme of Adam in Old Russian literary and oral traditions is present in several genres: narrative, spiritual verse, riddles.

Ключевые слова: Средневековые славянские апокрифы, текстология литературных и фольклорных памятников, *Беседа трех святителей*, апокрифические вопросы и ответы.

Keywords: Medieval Slavonic apocrypha, textology of literary and folk texts, questions-and-responses (erotapocriseis).

Милена В. Рождественская
Россия, 192284 Санкт-Петербург
Купчинская ул. 4, корпус 1, кв. 224